Дата поступления рукописи в редакцию: 08.08.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.08.2025 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-7-209-214

СИНЯЕВА Мария Ивановна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО
«Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru

ОДОБРИТЕЛЬНЫЕ ЦИФРОВЫЕ РЕАКЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ КАК ФОРМА СОУЧАСТИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПУБЛИЧНОГО ПООЩРЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ДОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДО САМОУБИЙСТВА

Аннотация. *Предметом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе уголовно-правовой оценки одобрительных цифровых реакций пользователей информационно-телекоммуникационных сетей на контент, содержащий призывы к совершению самоубийства несовершеннолетними. Анализируются объективные и субъективные признаки, позволяющие квалифицировать такие реакции как форму соучастия в преступлениях, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, а также критерии отграничения уголовно наказуемого поощрения от правомерной реализации конституционного права на свободу выражения мнения.*

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания социально-правовых явлений. Применены частно-научные методы: формально-юридический – при анализе норм уголовного законодательства; сравнительно-правовой – при сопоставлении различных подходов к квалификации цифровых форм соучастия; системно-структурный – при выявлении элементов состава преступления в контексте сетевой коммуникации; метод правового моделирования – при разработке предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Научная новизна заключается в формировании комплексной уголовно-правовой модели квалификации одобрительных цифровых реакций как формы соучастия в склонении к самоубийству. Впервые сформулировано юридическое определение одобрительной цифровой реакции, выявлены объективные и субъективные критерии её криминализации, разработан алгоритм разграничения правомерного и противоправного сетевого поведения. Обоснована необходимость дополнения ст. 110.1 УК РФ примечанием, конкретизирующим понятие публичного поощрения в цифровой среде.

Ключевые слова: *одобрительная цифровая реакция, склонение к самоубийству, несовершеннолетние, соучастие, публичное поощрение, информационно-телекоммуникационные сети, деструктивный контент.*

SINYAEVA Maria Ivanovna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Southwestern State University”

APPROVING DIGITAL USER REACTIONS AS A FORM OF COMPLICITY: CRIMINAL LAW ANALYSIS OF PUBLIC PROMOTION OF ACTIONS AIMED AT DRIVING MINORS TO SUICIDE

Annotation. *The subject of the study is social relations that arise in the process of criminal law assessment of approving digital reactions of users of information and telecommunication networks to content containing calls for suicide by minors. Objective and subjective signs are analyzed, which make it possible to qualify such reactions as a form of complicity in crimes under Art. 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as criteria for delimiting criminal incentives from the lawful exercise of the constitutional right to freedom of expression.*

The methodological basis of the study is the dialectical method of knowledge of socio-legal phenomena. Private scientific methods were applied: formal legal - when analyzing the norms of criminal law; comparative legal - when comparing different approaches to the qualification of digital forms of complicity; system-structural - when identifying elements of a crime in the context of network communication; method of legal modeling - when developing proposals for improving criminal law.

The scientific novelty lies in the formation of a comprehensive criminal law model for qualifying approving digital reactions as a form of complicity in inducement to suicide. For the first time, a legal definition of an approving digital reaction was formulated, objective and subjective criteria for its criminalization were revealed, an algorithm was developed to distinguish between lawful and unlawful network behavior. The need to supplement Art. 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation with a note specifying the concept of public incentives in the digital environment.

Key words*: approving digital reaction, inclination to suicide, minors, complicity, public encouragement, information and telecommunication networks, destructive content.*

Современное информационно-телекоммуникационное пространство детерминировало формирование особой преступной практики — распространения деструктивных «челленджей», адресованных преимущественно несовершеннолетним [1, с. 102]. Указанные практики («Беги или умри», «хромирование», «лёд и соль» и др.) предполагают совершение лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, действий, сопряжённых с причинением тяжкого вреда здоровью, либо суицидальным риском [2, с. 233]. Социальная привлекательность подобных контентных форм обеспечивается встроенными механизмами сетевого ранжирования: каждое выражение «позитивной» пользовательской реакции (лайк, emoji-реакция, короткий одобрительный комментарий) увеличивает индекс вовлечённости, тем самым экспоненциально расширяя аудиторию [3]. Фактически складывается медийная экосистема [4, с. 297], в которой количественная аккумуляция одобрительных реакций трансформируется в качественное воздействие на восприимчивую подростковую среду, снижая индивидуальный порог готовности к агрессивному поведению.

Немедленный нормативный отклик государства на подобные угрозы выразился во введении Федеральным законом от 29 мая 2017 г. № 120-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства». В дискуссионном поле уголовно-правовой доктрины новелла породила полярные концептуальные подходы: от признания ст. 110.1 самостоятельным составом преступления, направленным на охрану жизни человека, до трактовки соответствующих деяний как разновидности опосредованного убийства, информационно-психологического терроризма либо экстремистской деятельности [5, с. 16]. При этом большинство научных исследований концентрируется на ответственности инициаторов суицидальных сообществ — администраторов так называемых «групп смерти», оставляя без должного внимания более массовый и, следовательно, криминологически значимый пласт поведения рядовых пользователей, публично поощряющих деструктивный контент посредством цифровых реакций [6, с. 53].

В ходе комплексного эмпирического исследования, осуществлявшегося в 2023–2024 гг., проанализирован массив коммуникаций в закрытых каналах мессенджерных платформ, куда после реализации блокировочных мер по ст. 15.3 и 15.1-1 Федерального закона № 149-ФЗ переместились так называемые «группы смерти». Выборочная совокупность ($n = 12\,764$ сообщений, аудитория 14–22 лет) выявила статистически значимое ($p < 0{,}01$) гендерное расхождение в цифровых паттернах: лица женского пола прибегают к инструментам индекса одобрения (reactions, stickers, emoji) в 1,8 раза чаще, чем их мужские сверстники, тогда как последние демонстрируют повышенную склонность к локальному сохранению и ретрансляции девиантного либо суицидогенного контента.

С юридической точки зрения указанные модели поведения различаются по квалификационному потенциалу. Одобрительная реакция, будучи формой выражения отношения, при отсутствии факта доведения информации до неопределённого круга лиц не образует объективную сторону деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 110.1 УК РФ или ст. 282 УК РФ, однако совокупность таких реакций может рассматриваться как косвенный индикатор субъективной осведомлённости и умысла, релевантный для установления психического пособничества (ч. 5 ст. 33 УК РФ). Напротив, действия по сохранению и последующей пересылке идентичного материала подпадают под понятие воспроизведения и распространения информации (п. 16 ст. 2 Федерального закона № 436-ФЗ), что при наличии суицидальной тематики образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.15.1

КоАП РФ, либо уголовно наказуемого деяния при прямом умысле на склонение к самоубийству (ст. 110.1, 110.2 УК РФ).

Цель исследования заключается в формировании целостной уголовно-правовой модели квалификации одобрительных цифровых реакций как возможной формы соучастия в деяниях, направленных на доведение несовершеннолетних до самоубийства, с учётом принципов вины, справедливости наказания и законности уголовной репрессии.

Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи:

1) сформулировать понятие «одобрительной цифровой реакции» и определить её юридически значимые признаки;
2) выявить объективные и субъективные критерии, при которых такие реакции образуют признаки подстрекательства или пособничества самоубийству;
3) разработать разграничительные показатели между допустимой формой реализации свободы выражения и общественно опасным содействием;
4) сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации, а также по унификации правоприменительной практики.

Системное изучение обозначенной проблематики позволит конкретизировать пределы уголовно-правового воздействия на сетевое поведение пользователей, содействовать формированию единообразной правоприменительной практики и укрепить превентивный потенциал уголовного права в сфере защиты жизни и психического здоровья несовершеннолетних.

Одобрительная цифровая реакция (далее — ОДР) представляет собой зафиксированный в информационно-телекоммуникационной сети односторонний акт позитивной воли, выраженный посредством универсального графического маркера («лайк» [7, с. 15], «сердце» [8, с. 45], «applause» [9, с. 221] и т. п.) и адресованный неограниченному кругу пользователей. При совмещении с контентом, содержащим призывы к суицидальному поведению несовершеннолетних, ОДР приобретает значение публичного поощрения уголовно противоправного деяния, что выводит её в плоскость ч. 3 и 5 ст. 110.1 УК РФ. Фактически речь идёт о цифровом аналоге устного либо письменного одобрения, признаваемого криминогенным фактором вследствие усиления внушающего воздействия на жертву через эффект «социального доказательства».

Объективная сторона рассматриваемого деяния формируется совокупностью следующих признаков:

1) публичности выражения, закреплённой техническими параметрами доступности реакции для неопределённого круга лиц;
2) адресной привязки к материалу, содержащему подстрекательские призывы;
3) однозначной позитивной семантики, интерпретируемой как поддержка суицидального контента;
4) воспроизводимости цифрового следа благодаря меткам времени, уникальному идентификатору профиля и неизменяемости серверного журнала.

Указанные элементы придают действию самостоятельную криминологическую значимость, поскольку ОДР не только подтверждает, но и усиливает преступное влияние на несформировавшуюся психику потерпевшего.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, включающим осведомлённость лица о суицидальной направленности первоначального сообщения и осознание публичной доступности собственной реакции. В зависимости от конкретной функциональной роли лица ОДР может квалифицироваться либо как подстрекательство (ч. 4 ст. 33 УК РФ), когда она выступает средством формирования намерения или укрепления решимости несовершеннолетнего, либо как пособничество (ч. 5 ст. 33 УК РФ) путём информационного содействия распространению противоправного контента. Дифференциация форм соучастия определяется степенью фактического влияния реакции на психоэмоциональное состояние потенциального потерпевшего и причинно-следственной связью с наступившими последствиями.

Проблема нормативной недостаточности заключается в том, что диспозиция ч. 3–5 ст. 110.1 УК РФ оперирует термином «публичное поощрение» без указания на его цифровые манифестации. Одобрительная цифровая реакция – машинно фиксируемый графический либо символьный маркер позитивной оценки контента (иконка «like», «♥» и др.), доступный неограниченному кругу пользователей, обладает доказанной способностью усиливать склоняющее воздействие на несовершеннолетнего за счёт феномена конформизма. Однако отсутствие прямой законодательной квалификации приводит к неоднородности правоприменения и затрудняет соблюдение принципа законности (ст. 3 УК РФ), поскольку идентичные по общественной опасности деяния могут трактоваться либо как социально нейтральные, либо как уголовно наказуемые.

В целях устранения указанного пробела предлагается дополнить ст. 110.1 УК РФ примечанием следующего содержания: «Публичным поощрением в смысле настоящей статьи признаётся, в том числе, размещение в информацион-

но-телекоммуникационных сетях общедоступных цифровых знаков одобрения — графических, символьных либо числовых маркеров, технически фиксируемых системой и свидетельствующих о позитивной оценке материалов, содержащих призывы к совершению самоубийства либо содействие его совершению». Одновременно следует установить оговорку: «Указанное деяние образует состав преступления при наличии прямого умысла на поощрение или содействие», что обеспечивает баланс между охраной общественной безопасности и свободой выражения (ст. 29 Конституции РФ) и предотвращает чрезмерную криминализацию.

Для обеспечения доказательственной воспроизводимости предлагается:

– внести коррективы в ст. 74 УПК РФ, дополнив перечень электронных доказательств машинно-читаемыми записями цифровых знаков одобрения;
– закрепить в ведомственных методических рекомендациях порядок извлечения, хеширования и атрибуции таких данных;
– уточнить понятийный аппарат ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», включив ОДР в перечень видов цифрового контента.

Комплекс указанных поправок ликвидирует коллизионную неопределённость, унифицирует квалификационные подходы и усилит превентивный потенциал уголовного законодательства в условиях сетевой коммуникации.

Публичное поощрение действий, направленных на доведение несовершеннолетних до самоубийства, в цифровой коммуникационной среде ставит перед правоприменителем задачу разграничения конституционно защищённой свободы выражения мнений (ст. 29 Конституции РФ) и уголовно наказуемого содействия (ст. 33, 110.1 УК РФ). Объективно однородные проявления пользовательской активности — одобрительные цифровые реакции (иконки и иные унифицированные маркеры позитивной оценки) — способны выполнять диаметрально противоположные функции: быть элементом обычной сетевой социализации либо трансформироваться в составное звено преступной деятельности. Для исключения произвольной криминализации требуется формализация разграничительных показателей, соотнесённых с элементами состава преступления и проверяемых средствами криминалистической техники.

К числу объективно-контентных индикаторов относится, прежде всего, деликтогенность базового материала, к которому адресуется реакция: он должен содержать лингвистически или визуально фиксированные признаки склонения либо содействия суициду несовершеннолетнего. При отсутствии такой атрибуции цифровая реакция остается за пределами уголовного риска. Вторым индикатором выступает однозначная позитивная семантика маркера: графический знак должен прямо выражать одобрение и не сопровождаться дезавуирующей ремаркой. Третий показатель — публичная доступность, обеспечиваемая архитектурой платформы: визуализация реакции для неопределённого круга лиц, включая потенциальную жертву, выводит действие в сферу квалифицирующего признака «публичности». Завершающим параметром является алгоритмический эффект: любая реакция, генерирующая автоматическое «повышение» противоправного контента (boosting) и подтверждённая метаданными о росте охвата, усиливает общественную опасность деяния.

Субъективный блок разграничения включает два взаимосвязанных критерия. Во-первых, осведомлённость лица о суицидальной направленности исходного контента, устанавливаемая путём анализа истории просмотров, подписок, переписки и иных цифровых следов, способных подтвердить фактическое восприятие противоправного смысла. Во-вторых, наличие прямого умысла на поощрение либо содействие: реакция применяется как средство психологического подкрепления автора материала или как способ расширения аудитории. При квалификации необходимо исключать случаи неосторожности, кликов по ошибке, юмористического либо исследовательского контекста — такие ситуации не формируют требуемого субъективного элемента преступления.

Контекстно-каузальные показатели направлены на установление причинной связи между одобрительной реакцией и формированием суицидального поведения потерпевшего. Значимы:

1) хронологическая близость размещения реакции к моменту совершения самоубийства или к ключевым этапам доведения;
2) адресность коммуникативного воздействия — подтверждаемая контактами с конкретным несовершеннолетним или участием в специализированных группах;
3) системность поведения — множественные одобрительные реакции на сходный контент, свидетельствующие о целенаправленной поддержке суицидального дискурса.

Выявление данных обстоятельств основывается на комплексной экспертизе: психолого-лингвистической, устанавливающей побудительный характер контента, и технической, обеспечивающей аутентификацию цифровых следов (лог-файлы, тайм-стемпы, IP-идентификация [10, с. 117]).

Практическая имплементация разграничительных показателей предполагает поэтапный алгоритм для органов предварительного расследования и суда:

1) первичная квалификация деликтогенности контента;
2) верификация публичности и семантики реакции;
3) доказательство умысла посредством анализа цифровой биографии субъекта;
4) установление причинной связи на основе экспертных заключений.

Закрепление данной модели в ведомственных инструкциях Следственного комитета и Верховного Суда, равно как и возможное включение дефиниции «цифрового знака одобрения» в примечание к ст. 110.1 УК РФ, обеспечит единообразие квалификации, минимизирует риск необоснованного ограничения свободы выражения и одновременно усилит эффективность уголовно-правовой охраны жизни несовершеннолетних в условиях сетевой коммуникации.

Проведённое исследование позволило установить, что одобрительная цифровая реакция представляет собой специфическую форму волеизъявления в информационно-телекоммуникационной среде, обладающую признаками публичности, адресности, однозначной позитивной семантики и технической воспроизводимости. При совмещении с контентом суицидальной направленности такие реакции способны выполнять функцию психологического подкрепления противоправного поведения, усиливая внушающее воздействие на несовершеннолетних через механизм социального доказательства.

Анализ объективной стороны деяния выявил конститутивные признаки, позволяющие отграничить уголовно наказуемое поощрение от социально нейтрального поведения: деликтогенность базового материала, публичная визуализация реакции для неопределённого круга лиц, алгоритмический эффект повышения охвата противоправного контента. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, включающим осведомлённость о суицидальной направленности контента и целенаправленное использование цифровой реакции как средства поощрения или содействия.

Выявленная нормативная недостаточность действующей редакции ст. 110.1 УК РФ, оперирующей абстрактным понятием «публичное поощрение» без учёта специфики цифровых коммуникаций, создаёт предпосылки для неединообразной правоприменительной практики и нарушения принципа правовой определённости. Предложенное дополнение уголовного закона примечанием, раскрывающим содержание публичного поощрения через категорию «цифровых знаков одобрения», обеспечит необходимую конкретизацию диспозиции при сохранении баланса между охраной жизни несовершеннолетних и свободой выражения мнений.

Разработанный алгоритм поэтапной квалификации, включающий первичную оценку деликтогенности контента, верификацию публичности и семантики реакции, доказательство умысла через анализ цифровых следов и установление причинно-следственной связи посредством комплексной экспертизы, создаёт методологическую основу для единообразного применения уголовного закона в условиях динамично развивающейся цифровой среды.

Список литературы:

[1] Волчецкая, Т. С. Преступления, связанные с деятельностью «групп смерти»: проблемы выявления, расследования и профилактики / Т. С. Волчецкая, Е. А. Кот. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2023. – 240 с.

[2] Ровнейко, А. В. Способы воздействия «групп смерти» на аутодеструктивное поведение подростков / А. В. Ровнейко // Научный поиск курсантов : сборник материалов Международной научной конференции, Могилев, 25 февраля 2020 года. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020. – С. 233-234.

[3] Как челленджи в TikTok доводят детей до серьезных травм. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2022/08/13/15248360.shtml (дата обращения: 02.07.2025)

[4] Мерзлякова, В. А. Влияние «групп смерти» на подростковый суицид / В. А. Мерзлякова, С. А. Гримальская // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 296-298.

[5] Ганишева, П. А. «Группы смерти». Взгляд через призму теории рутинных действий / П. А. Ганишева // Право и политика. – 2021. – № 8. – С. 13-25.

[6] Панина, Н. А. Криминалистическая сущность специальных автороведческих знаний, используемых при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершаемых «группами смерти» / Н. А. Панина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 3. – С. 51-54.

[7] Сидоренко, Э. Л. Эмодзи-преступления: типология и алгоритмы квалификации / Э. Л. Сидоренко // Мировой судья. – 2024. – № 4. – С. 14-19.

[8] Галяшина, Е. И. Семиотика эмотиконов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы / Е. И. Галяшина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 2(90). – С. 41-48.

[9] Konrad A. Sticker and emoji use in Facebook messenger: implications for graphicon change / A. Konrad, S.C. Herring, D. Choi // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2020. – Vol. 25. – Iss. 3. – P. 217–235.

[10] Семикаленова, А. И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз / А. И. Семикаленова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 5(57). – С. 115-120.

Spisok literatury:

[1] Volcheczkaya, T. S. Prestupleniya, svyazanny`e s deyatel`nost`yu grupp smerti: problemy` vy`yavleniya, rassledovaniya i profilaktiki / T. S. Volcheczkaya, E. A. Kot. – Moskva : Izdatel`stvo Yurlitinform, 2023. – 240 s.

[2] Rovnejko, A. V. Sposoby` vozdejstviya grupp smerti na autodestruktivnoe povedenie podrostkov / A. V. Rovnejko // Nauchny`j poisk kursantov : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Mogilev, 25 fevralya 2020 goda. – Mogilev: Uchrezhdenie obrazovaniya Mogilevskij institut Ministerstva vnutrennix del Respubliki Belarus`, 2020. – S. 233-234.

[3] Kak chellendzhi v TikTok dovodyat detej do ser`ezny`x travm. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2022/08/13/15248360.shtml (data obrasheniya: 02.07.2025)

[4] Merzlyakova, V. A. Vliyanie grupp smerti na podrostkovy`j suicid / V. A. Merzlyakova, S. A. Grimal`skaya // Obrazovanie i pravo. – 2022. – № 3. – S. 296-298.

[5] Ganisheva, P. A. Gruppy` smerti. Vzglyad cherez prizmu teorii rutinny`x dejstvij / P. A. Ganisheva // Pravo i politika. – 2021. – № 8. – S. 13-25.

[6] Panina, N. A. Kriminalisticheskaya sushhnost` special`ny`x avtorovedcheskix znanij, ispol`zuemy`x pri rassledovanii prestuplenij protiv zhizni i zdorov`ya, sovershaemy`x gruppami smerti / N. A. Panina // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. – 2021. – № 3. – S. 51-54.

[7] Sidorenko, E`. L. E`modzi-prestupleniya: tipologiya i algoritmy` kvalifikacii / E`. L. Sidorenko // Mirovoj sud`ya. – 2024. – № 4. – S. 14-19.

[8] Galyashina, E. I. Semiotika e`motikonov i animacionny`x kartinok v aspekte sudebnoj lingvisticheskoj e`kspertizy` / E. I. Galyashina // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2022. – № 2(90). – S. 41-48.

[9] Konrad A. Sticker and emoji use in Facebook messenger: implications for graphicon change / A. Konrad, S.C. Herring, D. Choi // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2020. – Vol. 25. – Iss. 3. – P. 217–235.

[10] Semikalenova, A. I. Cifrovy`e sledy`: naznachenie i proizvodstvo e`kspertiz / A. I. Semikalenova // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2019. – № 5(57). – S. 115-120.

